

Национальная безопасность

25 декабря 1959 года Пленум принял решение по докладу Полянского. Многочисленные приглашенные, украсив грудь медалью «За трудовую доблесть», разъехались по домам, но участники Пленума задержались на один день. 26 декабря им предстояло обсудить еще один, секретный, вопрос: концепцию национальной безопасности страны, изложенную в записке Хрущева. Отец работал над ней весь этот год, а раздумывал – пять лет, с 1954 года. Теперь он свел воедино выработанные в результате общения с военными и учеными предложения по обеспечению безопасности страны без чрезмерного, опасного для той же национальной безопасности, перенапряжения экономики.

Отец считал, что к 1959 году ситуация в мире серьезно изменилась в нашу пользу. Страна испытала межконтинентальную ракету и в случае нападения США стала способна дать сдачи. Неважно, что королёвская «Семерка», наша первая межконтинентальная ракета, так и не стала боевой, но она подтвердила техническую возможность создания всеразрушающего сверхдальнего оружия. Его спроектируют, и весьма скоро, Янгель, Челомей, Надирадзе, Макеев.⁵⁸ Война для американцев могла обернуться совсем не безнаказанным предприятием.

В ракетный век отец считал «неразумным, имея атомные и водородные бомбы, ракеты, в то же время держать большую армию», тем более что «наступать на другие страны, завоевывать их мы не собираемся».

Он предложил пересмотреть структуру Вооруженных сил, сделать упор на стратегическую ракетно-ядерную группировку, а традиционные рода войск – пехоту, артиллерию, танки и даже авиацию существенно сократить. Таким образом, считал он, мы решим главную задачу – предотвратим нападение США на нас, а никакие другие, особенно неядерные страны, сунуться к нам не посмеют.

Его концепция заключалась в следующем: сохраняя в неприкосновенности сложившееся во время Второй мировой войны соотношение между родами войск, мы полагаемся на опыт прошлого, так же, как перед Великой Отечественной войной полагались на опыт Гражданской с ее кавалерийскими атаками и легендарными тачанками, оказавшимися беспо-

⁵⁸ Эту историю я рассказал в книге «Рождение сверхдержавы».

лезными в век танков и бронетранспортеров. И теперь в случае ядерного столкновения все эти механизированные и немеханизированные дивизии и корпуса – не более чем пушечное мясо, которое обходится стране неимоверно дорого.

Отец считал, что одновременно с пересмотром приоритетов в построении Вооруженных сил можно без ущерба для безопасности страны сократить численность личного состава еще на полтора миллиона. «Еще» – потому даже после сокращений 1955 и 1956 годов армия оставалась разбухшей, укомплектованной по требованиям пусть и не военного, но предвоенного времени.

Новое сокращение Вооруженных сил отец считал возможным «даже без соглашения о взаимности со стороны других государств», у нас своя голова на плечах.

Он объяснял, что, сокращая армию, уменьшая расходы на оборону, мы на самом деле не снижаем, а повышаем безопасность, ибо эти расходы истощают экономику страны. Уменьшив военные расходы, мы сможем вложить больше средств в производство товаров народного потребления, в строительство жилья, в сельское хозяйство, в улучшение жизни людей и тем самым докажем капиталистам «преимущества нашей системы».

В этом залог нашей победы в холодной войне, считал отец. Напомню, говоря о соревновании с Западом, с США, отец утверждал: «Та общественная система победит в мире, которая предоставит лучшую жизнь людям».

Военачальники придерживались иных взглядов, по их мнению, безопасность страны определялась не экономикой, а превосходством над вооруженными силами противника, превосходством в каждом роде войск отдельно и во всех вместе взятых. Так они считали в 1954 году, не изменилась их позиция и в 1959-м. Со своей, генеральско-адмиральской колокольни, они были правы, но не зря Козьма Прутков утверждал, что «специалист подобен флюсу». По большому счету, не их это дело беспокоиться, кто и как заплатит за всю эту прорву вооружения. Стоит пойти на поводу у генералов, повторял отец, и они страну без штанов оставят. От такой разоренной страны откажутся сами советские люди. Генералам и адмиралам с их оружием некого будет защищать. Нас победят без всякой войны.

В дополнение к сокращению численности традиционных Вооруженных сил отец предложил подумать о будущей структуре их ядра – сухопутных войсках. Ему представлялось, что в новых условиях наиболее рационален территориальный принцип формирования, когда в «полки и дивизии призвут служить граждан без отрыва от производства, москвичи в Московской дивизии, псковичи в Псковской и так далее». Отец и тут исходил из экономики, молодые люди в самом расцвете сил будут не просто обучаться военному ремеслу, но и часть времени работать на производстве, то есть укреплять экономику страны.

Мысль сама по себе не новая, территориальный принцип лежал в основе построения Красной Армии после окончания Гражданской войны. Военнослужащие Национальной гвардии США, имеющей в своем составе даже стратегические бомбардировщики, в мирное время и работают, и служат, а в случае необходимости отправляются «куда родина прикажет», воюют наравне с регулярными войсками.

Но это в Америке, советские военачальники к территориальным войсковым формированиям относились с подозрением: они лишат армию маневренности. Что же, в случае надобности передислоцировать, скажем, Татарский корпус в Магадан придется запрашивать согласие секретаря обкома или председателя совнархоза? Ведь военнослужащие работают на его предприятиях. Отец считал все их сомнения разрешимыми, всякое новое дело уже своей новизной отталкивает людей, привыкших мыслить по отработанным шаблонам. Какой быть армии будущего, отец обсуждал с военными не месяц и не год. За прошедшие пять лет они обговорили множество вариантов, спорили, соглашались и снова спорили. Сейчас пришла пора принимать решение, определиться с этапами военной реформы. На немедленной реорганизации Вооруженных сил отец не настаивал, территориальная армия – дело буду-

щего. Сначала надо создать стратегические ракетные войска, поднакопить ракет, на это уйдет лет семь-восемь, а тогда уже браться за реорганизацию сухопутных войск. За это время многое прояснится. О территориальной структуре они в принципе договорились, а вот против очередного сокращения личного состава генералы продолжали возражать. Особенно противился начальник Генерального штаба Василий Данилович Соколовский. Новое сокращение в его понимании ассоциировалось с разрушением оборонительного потенциала, чем-то граничащим с предательством. Он опирался на собственный опыт прошлой войны, когда путь к победе устлал ковром из трупов. К примеру, маршал Рокоссовский заплатил за освобождение Польши шестьюстами тысячами жизней, маршалы Жуков и Конев при взятии Берлина потеряли более миллиона.

В конце концов отец и его генералы все же достигли компромисса: вместо полутора-миллионного сокращения сошлись на миллионе двухстах.

К исходу ноября 1959 года отец, казалось бы, утряс с военными последние детали, убрал из текста записки последние шероховатости и 8 декабря, перепечатав набело, отправил ее на рассмотрение в Президиум ЦК. Обсуждение назначили на 14 декабря. В связи с чрезвычайной важностью и специфичностью вопроса на заседание пригласили наиболее авторитетных военных: министра обороны маршала Малиновского, начальника Генштаба маршала Соколовского, командующего Вооруженными силами стран Варшавского договора маршала Конева, командующего сухопутными войсками маршала Гречко, командующего войсками Московского военного округа маршала Москаленко, главного ракетчика – маршала Неделина, ответственного за военно-промышленный комплекс заместителя председателя Совета Министров Устинова и министра иностранных дел Громыко.

Ни споров, ни разногласий на заседании не возникло.

– В Генеральном штабе все посчитали, армию можно сократить на миллион двести человек, – как полагается по субординации, первым от Вооруженных сил сказал свое слово министр обороны, сразу за себя и за председателя Генерального штаба.

– Можно сократить на миллион двести, – поддержал своего министра Конев. – Создание территориальной структуры армии тоже правильное предложение, ущерба обороноспособности не нанесет.

Малиновский нахмурился. Он вопрос о территориальных формированиях осторожно обошел стороной.

– Ракеты пошли в войска. Сухопутчиков можно сократить на 500–600 тысяч человек и одновременно провести реорганизацию, перейти на территориальное комплектование дивизии и армии, – подал свой голос Гречко.

– Пусть Генеральный штаб все скрупулезно подсчитает: и сокращение, и переход на территориальный принцип формирования, – осторожно высказался Москаленко и закончил на мажорной ноте: – Товарищ Хрущев вопрос ставит мужественно и ответственно и перед народом, и перед историей.

– Предложение товарища Хрущева не просто нужное, но и созревшее. Над нами довлеет 1941 год, – маршал Неделин не сомневался в целесообразности военной реформы. – Однозначно, надо решать.

– К 15 января мы предоставим сведения об устаревших вооружениях, – доложил Устинов, – сокращение численности не уменьшит, а усилит дееспособность войск.

– С точки зрения внешней политики, ваше предложение, Никита Сергеевич, имеет огромное значение, – подал свой голос Громыко.

На заседании затронули и вопрос о сроках военной службы. Их уже сократили, но отец считал, что резервы остались, продолжительность службы: в пехоте – три года, на флоте и авиации – четыре, можно уменьшить, соответственно, до двух и трех лет. Экономике требовались рабочие руки, а миллионы этих рук и ног непроизводительно вышагивали на плацах,

отсиживали годы в казармах. В период предварительного обсуждения он немало поспорил на эту тему с генералами, многие из них полагали и старые сроки службы необоснованно короткими, едва выучишь солдата или матроса обращаться со все усложняющейся техникой, как подходит демобилизация. О профессиональной армии тогда не задумывались не только у нас, но и в куда более богатой Америке.

На заседании Президиума ЦК отец ничего конкретно о сроках службы не сказал, осторожно предложил «подумать, может быть, стоит их подсократить». Из военных его открыто поддержал один Неделин, сказав, что, по его мнению, для призывника два года вполне достаточно, основную пехотную премудрость он освоить успеет, а сложную технику, особенно ракеты, должны обслуживать офицеры и сержанты-сверхсрочники. Срочников без специальной подготовки, которую дают только училища, к ней подпускать не следует, ни двухлеток, ни трехлеток, ни, даже четырехлеток. Решение по этому вопросу тогда так и не приняли, его примут позже, и именно такое, какое предлагал Хрущев.

Президиум ЦК постановил обсудить сокращение Вооруженных сил на Совете обороны с участием командующих родами войск, командующих военными округами, их начальниками штабов и членами военных советов.

Тогда же решили выделить ракетные войска стратегического назначения в отдельный род войск, наравне с военно-воздушными силами или военно-морским флотом. Командовать новым родом войск поставили маршала Неделина.

После принципиального решения Президиума ЦК все покатило по наезженной бюрократической колее. 18 декабря 1959 года записку одобрил Совет обороны.

26 декабря Пленум ЦК постановил передать проект соответствующего закона на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР. 15 января 1960 года депутаты приняли закон «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР», с трех миллионов шестисот двадцати трех тысяч до двух миллионов четырехсот двадцати трех тысяч человек. Для мирного времени – сила немалая.

Увольнение предполагалось проводить в течение полутора-двух лет, так, чтобы, как писал отец в своей записке «благоустроить всех офицеров и военных чиновников (солдат устроить легче), с тем, чтобы они оказались и обеспечены, и устроены».

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 января 1960 года «О трудоустройстве и материально-бытовом обеспечении военнослужащих, увольняемых из Вооруженных сил в соответствии с Законом о новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР» детально расписывало, что, где и как получают оказавшиеся «на гражданке» военные. Всем увольняемым из армии, независимо от звания, обеспечивался бесплатный проезд к месту будущей работы, плюс на обустройство выдавалось пособие в 300–600 рублей, а офицерам дополнительно выплачивали от одного до трех окладов. Местные советы обязывались обеспечить бывших офицеров жильем вне всякой очереди. Тем же, кто пожелает строиться сам, государство предоставляло безвозвратные ссуды. Министерству высшего образования предписали принимать уволенных из армии в университеты и институты без экзаменов, а тем, кто не захочет тратить еще пять лет на учебу, государство обещало бесплатную помощь при переквалификации в любую гражданскую профессию. В дополнение к конкретно оговоренным мерам, от органов местной власти требовали оказывать демобилизованным всяческое содействие. И они его оказывали. За неисполнение постановления с них строго спрашивали.

С сокращением численности и пересмотром структуры Вооруженных сил уменьшалась потребность в военной технике, а заводы оказывались недозагруженными. Полностью перепрофилировать их под выпуск мирной продукции отец посчитал нецелесообразным, мало ли что может случиться, страна не может себе позволить остаться безоружной. Пошли по уже проторенному пути увеличения в планах производства военных заводов доли товаров

народного потребления. После решений, принятых в 1955 году, выпуск мирной продукция там достигал пятидесяти процентов. Теперь планку подняли еще выше.

Произошли и кадровые перестановки в Министерстве обороны. Маршалу Соколовскому предложили подать в отставку с поста начальника Генерального штаба, он один из немногих высших военачальников так и не принял военную реформу. Отец сожалел о потере Соколовского, но ничего не поделаешь, логика жизни неумолима. Невозможно проводить реформу руками человека не только ее не поддерживающего, но просто отвергающего. Предлог подыскивали благопристойный: шестидесятирехлетний маршал последние годы часто болел и в 1960 году его перевели в «райскую группу» генеральных инспекторов. Вместо Соколовского в Генштаб назначили маршала Захарова Матвея Васильевича, до того главнокомандующего Группой советских войск в Германии, штабиста с опытом, в войну он возглавлял штабы армии, а затем Калининского, Степного, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов.

Маршала Конева на посту командующего войсками стран Варшавского договора сменил маршал Гречко. До последнего времени я считал, что Конева перевели в «райскую группу», как и Соколовского, из-за разногласий с отцом по военной реформе. Прочитав в записях Малина о реальной позиции Конева, я понял, что ошибался. Конев в 1960 году «ушли» одновременно с Соколовским, но, видимо, совсем по другим причинам, скорее всего за неуживчивый характер.

На следующий год, когда вокруг Западного Берлина разгорелись нешуточные страсти и президент США Кеннеди демонстративно направил туда генерала Лусиуса Клея, американского командующего первых послевоенных лет, отец вспомнил о Коневе и в качестве адекватного ответа на акцию американского президента попросил его формально возглавить группу Советских войск в Германии. Формально, так как реальная власть принятия решений оставалась в руках маршала Ивана Игнатьевича Якубовского. Конев прослужил в должности «свадебного» главнокомандующего до 1962 года, а затем возвратился дослуживать в «райскую группу» генеральных инспекторов.

Военная реформа больно ударила по репутации Хрущева, и не только в Вооруженных силах. Сокращение расходов на оборону для большинства людей – понятие абстрактное, а расформирование дивизий, списание в металлолом столь радующих глаз на парадах и учениях самолетов, танков, пушек и других военных игрушек очень конкретно, как и увольнение тысяч и тысяч офицеров. А сколько все это «удовольствие» стоит и кто за него платит, люди не задумываются. Военные популярны в любом обществе, а в российском особо, и то, что Хрущев их «обидел», оно восприняло как свою обиду.